

НОВЫЕ ЛУЧШИЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

HISTORY

дарья

ДОНЦОВА

NEW

татьяна

УСТИНОВА

NEW

юлия

ШИЛОВА

а также:

елена

АРСЕНЬЕВА

мария

БРИКЕР

галина

КУЛИКОВА

елена

ЛОГУНОВА

наталья

СОЛНЦЕВА

Юлия Шилова

**Заложница страха, или
история моего одиночества**

«Шилова Юлия Витальевна»

Шилова Ю. В.

Заложница страха, или история моего одиночества /
Ю. В. Шилова — «Шилова Юлия Витальевна»,

Юлия Шилова

Заложница страха...

Господи, как же больно *об этом* вспоминать. Больно-то как. Казалось бы, прошло столько лет, а вспоминать об этом по-прежнему больно.

В тот день меня знобило, и ты сказал, чтобы я осталась дома. Странно, но я не чувствовала симптомов простуды. Я *знала*, что меня знобит от нервов, только я никак не могла понять, почему я нервничаю. Ты всегда хвалил меня за мою интуицию, получается, что в тот день я ощущала приближение беды, во мне бурлило предчувствие чего-то плохого. Ты заставил меня надеть свитер, несмотря на то что я говорила тебе, что мне не холодно, и в квартире было тепло. А затем *приготовил* чай и вопреки моей воле стал поить меня *маленькими* глотками, поставив передо мной чашечку с медом. Ты поехал на встречу один, *вопреки* моим уговорам никуда не ехать и остаться дома вместе со мной. Ты говорил, что эта встреча очень важна, что ты не можешь ее пропустить и что как только ты освободишься, то сразу вернешься домой. А я... Я словно чувствовала, что ты больше уже никогда не приедешь. Я пыталась тебя остановить, но не смогла, потому что ты принадлежал к числу тех людей, которые твердо шли к своей цели и никогда ни перед чем не останавливались. Я говорила тебе о том, что в последнее время *происходит* что-то не то и что ночами мне становится по-настоящему страшно и я больше так не могу. Но ты улыбнулся, сказав, что я слишком эмоциональна, что все будет хорошо, просто я слегка приболела и мне нужно хорошенько выспаться. Прижав меня к себе, ты поцеловал мою макушку и хлопнул дверью. Я выбежала на балкон, посмотрела, как ты садишься в свою машину, и проводила тебя грустным взглядом. А затем зазвонил телефон, и в нем опять послышалось молчание. Точно такое же, как и все последние дни. Телефон звонил иногда днем, а иногда ночью. На том конце провода – *тишина, ни единого звука. Пустота в телефоне* доконала меня окончательно. Выдернув шнур из розетки, я просидела полчаса, тупо смотря в стену, а затем пулей выскочила из квартиры, встретив в подъезде недоумевающую соседку, которая не могла не уколоть меня репликой по поводу того, что на улице жара, а я иду в свитере. Поймав первую попавшуюся *машину*, я назвала загородный ресторан, в котором ты должен был встречаться со своим партнером, и, сев на заднее сиденье автомобиля, попыталась унять еще большую дрожь по телу, но это оказалось для меня непосильно. Водитель с опаской смотрел на меня в зеркало заднего вида и несколько раз спросил, *не может ли он мне чем-нибудь помочь*. Я ответила ему, что хочу, чтобы он довез меня как можно быстрее. А затем я достала сигарету и стала нервно курить. Моя рука так тряслась, что *сигарета несколько раз падала* на пол. Когда мы подъехали к ресторану, я увидела много машин и какое-то непонятное скопление народа. Машина еще не успела остановиться, а я уже почти из нее выскочила и, повернув ногу, бросилась к стоящей толпе. Таксист крикнул мне вслед, что я сумасшедшая, что я должна рассчитаться за проезд, но я уже ничего не слышала. Я бежала туда, где стояли люди.

Ты лежал на земле лицом вверх, а твои глаза смотрели в небо. На твоей рубашке проступили красные пятна, а под тобой вырисовывались темные лужицы. Я стояла как вкопанная и *убеждала себя*, что это всего лишь дурной сон, что сейчас ты встанешь, откроешь глаза, улыбнешься, скажешь мне, что все это дурацкая шутка, что я одета не по погоде и что этот нелепый сон не заслуживает моих слез. А мне как раз сегодня ночью снился воробей. Такой маленький, серенький и какой-то грязненький. Он сидел на карнизе и стучал клювом в мое окно. Когда я утром рассказала тебе о том, что мне приснилось, ты, как всегда, улыбнулся и отметил, что я всегда обращаю внимание на ненужные мелочи.

Когда я бросилась в твою сторону и встала перед тобой на колени, по толпе пролетело слово «жена». Тогда я еще плохо понимала, что ты уже мертв, я кричала, почему до сих пор не вызвали «Скорую», трясла тебя за плечи в надежде, что сейчас ты откроешь глаза или подашь

хоть какой-нибудь знак в доказательство того, что ты жив. Но ты лежал без движения и не реагировал на мои мольбы и просьбы не оставлять меня одну и защитить от тех невзгод, которые на нас навалились в последнее время. А потом рядом со мной появился Вадим. Он положил руки на мои плечи и сказал мне о том, что приехали сотрудники милиции, что я должна отойти и не мешать им работать. А я... Я не *понимала*, как я могу от тебя отойти. Как я могу отпустить твою руку? Прекратить целовать твои холодные губы?!

«Скорая помощь»... Милиция... Когда мне говорили, что ты мертв, до меня плохо доходило, что это такое. Вадим отвел меня в сторону, а подошедшие «добрые люди» наперебой рассказывали мне о том, что, как только ты вышел из своей машины, из стоящей неподалеку старенькой иномарки без номеров раздались выстрелы. Некоторое время ты еще мог стоять на ногах и даже успел достать свой пистолет, но так и не смог им воспользоваться. Ты что-то протяжно закричал, захрипел и повалился на землю. Иномарка рванула с места и пропала бесследно. А затем наступила тишина, точно такая же, как до того, как тебя убили. Играла лишь легкая музыка из приемника у стоящего неподалеку шашлычника, который тут же бросил готовить свои шашлыки и стал звать на помощь.

Вадим прижимал меня к себе, смахивал мои слезы, винил себя за то, что не приехал на эту встречу первым, потому что смог бы заметить подозрительную иномарку и, возможно, успел бы спасти тебе жизнь. А я смотрела глазами, полными ужаса, на растекающуюся и увеличивающуюся под тобой лужу крови и не могла понять, почему все так нелепо закончилось. Я рассказала Вадиму про свой ночной сон. Про мокрого, грязного воробья, который упорно стучал клювом в мое окно и наводил на меня панический ужас. Вадим постоянно гладил меня по голове и говорил, что это *просто* недоразумение. А я смотрела на небо и спрашивала его о том, где же тогда справедливость?

Люди в форме пытались меня о чем-то спрашивать, но, глядя на мою усиливающуюся лихорадку, прекратили это делать. Я не *осознавала*, что от меня требуется, тогда меня просто оставили в покое и стали расспрашивать Вадима, который в отличие от меня понимал смысл задаваемых ему вопросов и давал вполне вменяемые и внятные ответы. Я курила сигарету за сигаретой, стряхивала пепел прямо на свои туфли и ощущала, как по моим щекам текут слезы.

Даже теперь, после того как прошло столько лет, я закрываю глаза и все отчетливо вижу, словно просматриваю старую киноленту, где еще свеж в памяти каждый эпизод, каждое мгновение и каждое сказанное мною слово. В тот день так быстро решилась твоя судьба. Еще утром я проснулась в твоих объятиях и подумала о том, что как же все-таки замечательно быть женой, а ближе к вечеру я вдруг услышала жуткое и жестокое слово «вдова». Я даже шарахнулась в сторону и закрыла лицо влажными *от волнения* ладонями, после того как меня первый раз так называли. Мне показалось, что меня так не называли, а обозвали. Для меня это было оскорбительно и жестоко. Болезненная и мощная пощечина, которую нанесла мне моя судьба. А затем до моего мутного сознания стали доноситься различные слухи... Кто-то говорил, что тебя убили потому, что ты занимался криминальным бизнесом. Я украдкой смотрела на этих людей, нервно сжимала кулаки и думала о том, что в то время, когда тебя убили, честного бизнеса просто не существовало. Это сейчас можно строить свой бизнес более разумно и легализованно, а тогда было совсем другое время и другие нравы. Ты смог заставить меня уважать и ценить деньги, потому что до тебя я вообще не знала, как трудно, оказывается, их зарабатывать и с каким риском они даются. До тебя я жила одним днем и понятия не имела о том, что свою жизнь нужно планировать и даже с математической точностью просчитывать. Помнишь, ты всегда говорил, что у меня чутье на деньги? Так это ты же сам его выработал. Ты выдал мне аксиому о том, что для того, чтобы иметь деньги, нужно заплатить слишком большую цену.

После того как тебя не стало, для меня начались трудные времена. Меня часто посещали мысли о смерти. Я ведь знала, что мы две половинки единого целого, а теперь получилось, что осталась только моя половина, которая уже никогда и ни к кому не сможет приткнуться. В то

время у меня пропал смысл жизни. Мне было не для кого и не для чего жить. Твои друзья пытались меня поддержать, предлагали свою помощь, но меня все это только раздражало. Я злилась на них за то, что они живы, а тебя уже нет. Я считала, что все вокруг виноваты в твоей смерти, потому что нам с тобой была нужна помощь при жизни. Все знали, что у тебя слишком много проблем, но никто не предложил их разрешить тогда, когда ты был еще жив. Я знаю, что у меня за спиной все говорили о том, что тебя сгубили деньги, что ты слишком многого хотел, что тебе постоянно было мало и что ты лез в дебри, куда тебе лучше было бы не лезть. Они говорили, что тебя сгубила жадность. Я не обращала внимания на подобные разговоры и пропускала их мимо ушей. Какая разница, жадным ты был или нет? В конце концов, ты занимался бизнесом и делал деньги ради денег. Я никогда не поверю, что человека, занимающегося бизнесом, может обойти стороной жажда наживы. На черта он нужен тогда, такой бизнес? Бизнесом не занимаются ради удовольствия, иначе можно прогореть и стать банкротом на первой же сделке.

Прошло девять дней с момента *твоей смерти*, я спряталась от внешнего мира за стенами своей большой квартиры. Я не брала телефон, потому что боялась услышать молчание в трубке. Он так часто звонил, что я выдернула шнур из телефонной розетки и в полном отчаянии разбила новенький аппарат о стену. Мне хотелось, чтобы он навсегда оставил меня в покое, чтоб замолчал и не обременял меня жизнью из внешнего мира, находящейся за стенами моей квартиры.

Я бродила по квартире в твоей рубашке, заходила в твой кабинет, сидела за твоим рабочим столом, держала в руках твою ручку и смотрела на твои фотографии. А еще я много пила. Я пила вино, открывала двери большого массивного шкафа, рассматривала твои вещи, обнималась с твоими свитерами, вдыхала запах твоих рубашек, которые пахли твоим любимым парфюмом. Иногда подходила к старинному проигрывателю, ставила твои любимые пластинки, вновь пила, слишком много курила, а один раз открыла окно и посмотрела вниз, на шумный проспект. У меня возникло желание выброситься. Наклонившись как можно сильнее, я вдруг резко отпрянула и подумала о том, что если бы ты был жив, то никогда бы мне этого не простил. Ведь с того самого дня, как мы с тобой познакомились, ты делал все возможное для того, чтобы я полюбила жизнь.

В тот день я первый раз подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. Если бы ты меня такой увидел, то наверняка бы очень сильно испугался. На моем лице было столько боли, а под моими глазами были такие черные круги и мешки, что мне показалось: еще немного – и мои глаза вообще куда-нибудь провалятся. В дверь настойчиво звонили. Несмотря на то что я уже давно не реагировала на любые вмешательства из внешнего мира, я все же подошла к двери, открыла ее и увидела обеспокоенного Вадима. Он сказал, что сегодня сороковой день после твоей смерти. Подумать только, я просидела в добровольном затворничестве ровно тридцать один день. А ведь я этого не ощутила. Вадим пытался затащить меня в душ, что-то кричал по поводу того, что я заживо себя похоронила, что все эти дни он пытался до меня достучаться и позвониться, что в ресторане сидят люди, справляющие сорок дней, и что я обязана там появиться. Ты знаешь, тогда у меня началась настоящая истерика. Я кинула в Вадима пустой бутылкой из-под вина, но он успел *увернуться*. Я стала кричать ему о том, что я никому и ничем не обязана, что того человека, которому я действительно была обязана, больше со мной нет. Я кричала, что в ресторане сидят чужие люди, что все это показуха, что все эти люди только делают вид, что скорбят, а в глубине души они радуются, что тебя больше нет. А потом я сказала, что доверяю только одному человеку – это Вадиму, потому что вы с ним как братья. Вы выросли в одном дворе, дрались друг за друга с соседскими пацанами, купили в складчину свою первую машину, вместе набивали шишки и учились зарабатывать деньги.

Тогда Вадиму все же удалось заставить меня привести себя в надлежащий вид, надеть темные очки во все лицо, приехать в ресторан на твои поминки и слушать про тебя высокие

и хвалебные речи. Я смотрела на твой портрет, стоящий среди множества строгих букетов, всматривалась в твои глаза и думала о том, что еще совсем недавно ты был хорош собой, а в твоих глазах бурлила шальная жизнь. А ведь в тот день, когда я фотографировала тебя на этот портрет, ты почти сутки не спал, но это никак не отразилось на твоей внешности. Знаешь, а ведь я всегда поражалась твоей работоспособности. Ты мог не спать несколько суток подряд, но при этом всегда выглядел так, словно только что приехал с неплохого курорта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.